

~
- Երկ ԿԻՄԻՆԻ (ԻՄԵ)

ГИТАНДЖАЛИ

Жертвопесни

Перевод под редакцией Ю. Балтрушайтиса

*Эти переводы взяты из религиозных поэм
трех книг: Наиведья, Кхейя и Гитанджали,
а также из появившихся только в журналах*

Издательство «e-SCRIPTUM»

Воспроизводится издание 1915 года

Предисловие

I

Несколько дней тому назад я сказал одному известному доктору медицины, бенгальцу:

- Я не знаю немецкого языка, но если бы меня увлек перевод из какого-нибудь немецкого поэта, я пошел бы в Британский музей и отыскал бы там книги на английском языке, которые рассказали бы мне что-нибудь о его жизни и об истории его мысли. Но, вот, хотя эти переводы в прозе Рабиндраната Тагора взволновали меня, как долгие годы ничто меня не волновало, я ничего не буду знать ни о его жизни, ни о вызвавших эти песни движениях мысли, если мне о них не расскажет какой-нибудь путешествующий индус.

Моему собеседнику, должно быть, показалось вполне естественным, что я был потрясен, так как он ответил:

- Я читаю Рабиндраната каждый день; прочесть одну строчку из него - значит позабыть о всех горестях этого мира.

Я сказал:

- Если б англичанину, жившему в Лондоне в царствование Ричарда II, показали перевод из Петрарки или из Данте, он не нашел бы книг, которые могли бы ответить ему на его вопросы, но стал бы расспрашивать какого-нибудь флорентийского банкира или ломбардского купца, подобно тому, как я расспрашивал вас. Насколько я понимаю, эта поэзия так полна и так проста; в стране вашей родился новый Ренессанс, а я никогда не узнаю о нем иначе как понаслышке.

Он ответил:

- У нас есть и другие поэты, но нет ни одного, который был бы равен ему; мы называем наше время эпохой Рабиндраната. Мне кажется, что ни один поэт в Европе не славится так, как славится он среди нас. Он столь же велик в музыке, как и в поэзии, и песни его поются от запада Индии до самой Бирмы, всюду, где только говорят на бенгальском наречии. Он был знаменит уже в девятнадцать лет, когда написал свою первую повесть, а пьесы, написанные им, когда он был лишь немного старше, ставятся и до сих пор в Калькутте. Я так восхищаюсь полнотой его жизни; когда он был очень юн, он много писал о явлениях природы; он целые дни просиживал в своем саду; в

промежутке между двадцать пятым, приблизительно, и тридцать пятым годом жизни, когда его постигло большое горе, он создал самую прекрасную поэзию любви на нашем языке.

И затем доктор прибавил с глубоким волнением:

- Никакими словами не выразить мне, чем я был обязан в семнадцать лет этой любовной поэзии. Впоследствии его искусство стало глубже, сделалось религиозным и философским; все стремления человечества вложены в его гимны. Он первый из наших святых не отказался жить, а говорит от лица самой Жизни; вот почему мы приносим ему свою любовь.

Я мог исказить в своей памяти его изысканные выражения, но не его мысль.

- Не так давно, - продолжал доктор, - он должен был совершить богослужение в одном из наших храмов, самом обширном в Калькутте, и не только весь храм был так переполнен, что люди стояли даже на окнах, но и на улицах стояла сплошная толпа народа.

Другие индусы стали наведываться ко мне, и их преклонение перед этим человеком звучало так странно в нашем мире, где великое и малое мы прячем под одним и тем же покровом явной комедии и полусерьезного пренебрежения. Когда мы сооружали наши соборы, было ли у нас такое же преклонение перед нашими великими людьми?

- Каждое утро, в три часа - я знаю, потому что видел это, - сказал мне один из моих посетителей, - он сидит неподвижно, весь погруженный в созерцание, и целых два часа не пробуждается от своих размышлений о природе Бога. Его отец, Мага Риши, иногда просиживал так до следующего дня; однажды, на реке, он впал в созерцание красоты ландшафта, и гребцы ждали восемь часов приказа взяться опять за весла.

Он затем рассказал мне о семье Тагора и о том, как на протяжении нескольких поколений из ее колыбели выходили великие люди.

- В настоящее время, - сказал он, - мы имеем Гогонендраната и Абаниндраната Тагоров, художников, и Двиджендраната, брата Рабиндраната, великого философа. Белки прыгают с ветвей и взбираются к нему на колени, и птицы садятся ему на руки.

В мысли этих людей я замечаю такое чутье и понимание видимой красоты, как если б они придерживались доктрины Ницше, что мы должны верить только в такую моральную или интеллектуальную

красоту, которая рано или поздно отпечатлевается на физических предметах.

Я сказал:

- Вы, люди Востока, умеете поддерживать фамильную славу. На днях смотритель одного музея обратил мое внимание на маленького темнокожего человечка, приводившего в порядок китайские гравюры, и сказал: "Это наследственный знаток Микадо; он четырнадцатый в своем роду занимает эту должность".

Мой собеседник ответил:

- Когда Рабиндранат был мальчиком, он всецело был окружен в своем доме литературой и музыкой.

Я подумал о внутреннем богатстве, о простоте этих стихотворений, и сказал:

- Много ли в вашей стране пропагандистской литературы, много ли критики? У нас так много дела, особенно в моем отечестве, что мало-помалу наши умы перестают творить, и мы ничего не можем поделать. Если б жизнь наша не была постоянной борьбой, мы лишились бы вкуса, не знали бы, что хорошо, не находили бы слушателей и читателей. Четыре пятых нашей энергии уходят на борьбу с дурным вкусом в нашем собственном уме или в уме других".

- Я понимаю, - возразил он; - у нас тоже есть пропагандистские писания. У нас ходят по деревням, рассказывают длинные мифологические поэмы, переложенные в средние века с санскритского языка, и часто вставляют в них поучения, говорящие людям о том, что они должны исполнять свой долг.

II

Целые дни не расставался я с рукописью этих переводов, читал их в железнодорожных поездах, на империале омнибусов и в ресторанах, и часто мне приходилось закрывать тетрадь, чтобы не дать заметить посторонним, до какой степени я растроган чтением. Эти лирические стихотворения, которые в подлиннике, - по словам моих индусов, - полны утонченного ритма, непередаваемо изысканных оттенков красок, метрической новизны, раскрывают в мыслях своих тот мир, о

котором я мечтал всю свою жизнь. Создание наивысшей культуры, они, однако, представляются таким же произрастанием самой обыкновенной почвы, как трава и камыш. Традиция, в которой поэзия и религия составляют одно, прошла через века, собирая у ученых и неученых метафоры и чувства, и отнесла обратно толпе мысли человека науки и аристократа. Если в цивилизации Бенгалии не произойдет перерыва, если этот общий дух, которым - как можно догадаться - проникнуты все, не раздробится, как это случилось у нас, на дюжины умов, ничего не знающих друг о друге, - некоторая доля самого неуловимого в этих стихах через несколько поколений дойдет до нищего, скитающегося по дорогам. Пока в Англии был один общий ум, Чосер написал <I>Троила и Крессида</I>, и, хотя он писал для того, чтобы его читали или декламировали - ибо наш век быстро приближался - его некоторое время пели менестрели. Рабиндранат Тагор, подобно предшественникам Чосера, пишет музыку для своих слов, и нам во всякую минуту понятно одно: весь он так могуч, так непосредственно глубок, так дерзновенен в своей страсти, так полон неожиданностей, между тем как он делает дело, которое никогда не казалось странным, неестественным или нуждающимся в защите. Эти стихи не будут лежать в нарядно напечатанных маленьких книжках на дамских столиках, и дамы не будут ленивыми ручками перелистывать их страницы, чтобы вздыхать над жизнью без смысла, - к чему сводится все, что они могут знать о жизни, - как не будут носить их с собой студенты в университет, чтоб отложить их в сторону, когда начнется работа жизни - но из поколения в поколение их будут напевать путешественники на большой дороге и гребцы на реке. Нашептывая их, влюбленные, ожидающие друг друга, обретут в этой любви к Богу волшебную бездну, в которой их собственная горькая страсть может омыться и обновить свою юность. В каждое мгновение сердце этого поэта устремляется к ним без унижения и снисходительности, ибо оно постигло, что они поймут; и оно само прониклось их жизнью. Путник в красно-бурой одежде, которую он носит, чтоб не была заметна на нем пыль, девушка, ищущая на своем ложе цветочных лепестков, упавших из венка ее царственного возлюбленного, слуга или невеста, ожидающие в пустом доме возвращения господина, все это образы сердца, обращенного к Богу. Цветы и реки, музыка морских раковин, тяжелый дождь индийского июля или палящий зной, все это - образы различных настроений этого сердца в слиянии или в разлуке; а человек, сидящий в лодке и играющий на лютне, - подобно какой-нибудь, полной таинственного значения фигуре на китайской картине, это Сам Бог. Целый народ, целая цивилизация, неизмеримо чуждая нам, была, по-видимому, воспринята этим воображением; и все же нас трогают не особенности ее, а то, что мы встретили свой собственный образ, как если бы мы бродили по ивовому лесу Россетти, или, впервые, быть может, в литературе, услышали свой собственный голос, как во сне. Со времени Возрождения писания европейских святых - как ни привычны нам их

метафоры и общий строй их мысли - перестали приковывать наше внимание. Мы знали, что в конце концов мы должны отречься от этого мира, и в минуту утомления или экзальтации привыкли думать о добровольном уходе из него; но можем ли мы порвать с этим миром резко и грубо, мы, читавшие столько стихов, издававшие столько картин, слышавшие столько музыки, где крик плоти и крик души как бы сливаются воедино? Что у нас общего со Св. Бернардом, прикрывающим свои глаза, чтоб они не останавливались на красоте швейцарских озер, или со стремительной риторикой Книги Откровения? Мы хотели бы, если бы могли, найти, как в стихах Тагора, полные мягкости слова: - "Я получил свой отпуск. Проститесь со мной братья! Я всем вам делаю поклон и ухожу. Вот я возвращаю ключи от своей двери - и я отказываюсь от всяких прав на свой дом. Я только прошу у вас прощальных ласковых слов. Мы долго были соседями, но я больше получил, чем мог дать. Теперь день занялся, и лампа, освещавшая мой темный угол, догорела. Пришла весть, и я готов тронуться в путь". - Ведь это наше собственное настроение, бесконечно далекое от Фомы Кемпийского и Хуана де ла Крус (Прим. пер. - Друг Св. Терезы, преобразователь ордена босоногих кармелитов, оставивший много сочинений аскетического характера.) - восклицает: - "И любя эту жизнь, я знаю, что так же сильно люблю и смерть". - Однако, не в одних наших мыслях о разлуке эта книга объемлет все. Мы не знали, что любим Бога, - вряд ли даже верили в него; но оглядываясь на свою жизнь, в нашем исследовании лесных тропинок, в нашем наслаждении уединенными холмами, в нашем таинственном, но тщетном тяготении к женщине, которую мы любили, мы открываем чувство, влекущее эту коварную сладость. - "Войдя в мое сердце незванный, как один из тысяч, неведомый мне, царь мой, ты наложил отпечаток вечности на многие мимолетные мгновения". - Это уже не святость кельи и самобичевания; это восхождение на более высокую напряженность душевного строя художника, живописующего прах земной и солнечный свет; и искать подобного голоса можно разве только у Св. Франциска и Вильяма Блейка, казавшихся столь чуждыми нашей бурной истории.

III

Мы пишем длинные книги, в которых ни одна страница, по своим свойствам, не в состоянии сделать писание удовольствием, служа какой-нибудь общей цели, совершенно так же, как мы сражаемся, наживаем деньги и набиваем себе головы политикой - занимаемся скучнейшими вещами - между тем как Тагор, подобно самой индийской цивилизации, удовлетворился тем, что открыл душу и

подчинился свободе ее порывов. Он часто как бы противопоставляет свою жизнь жизни тех, кто провел жизнь, сходную с нашей, и имеет более кажущегося веса на свете, и делает это всегда смиренно, как будто он уверен только в том, что его путь есть наилучший для него: - "Люди, идущие домой, смотрят на меня и улыбаются и наполняют меня стыдом. Я сижу, как нищенка, закрывая лицо краем своего платья, и, когда они меня спрашивают, что мне нужно, я потупляю глаза и не отвечаю им". - Иной раз, вспоминая, как жизнь его имела некогда другой характер, он скажет: - "Много, много часов провел я в борьбе добра и зла; но теперь товарищу моих игр в праздные дни уютно привлечь мое сердце к себе; и я не знаю, зачем этот внезапный зов и по какому бесцельному и лишенному последовательности поводу". - Невинность, простота, каких не найти нигде в литературе, делает то, что птицы и листья кажутся столь же близкими ему, как близки они детям, а смены времен года являются для него великими событиями, какими они были прежде, чем наши мысли стали между ними и нами. Порой я спрашиваю себя, перешло ли это к нему от литературы Бенгалии или из религии; и порой, вспоминая, как птицы садятся на руки его брата, я с удовольствием думаю, что это нечто наследственное, некая тайна, нараставшая на протяжении веков, подобно изысканности какого-нибудь Тристана или Пеланора. В самом деле, когда он говорит о детях, эти свойства до такой степени кажутся частью его самого, что нельзя быть уверенным, не говорит ли он в то же время и о святых: - "Они строят себе домики из песка, и играют пустыми раковинами. Из увядших листьев они сплетают себе кораблики и, улыбаясь, пускают их по широкой пучине. Дети играют на морском берегу миров. Они не умеют плавать, они не умеют закидывать сети. Искатели жемчуга ныряют за жемчужинами, купцы плывут на своих кораблях, между тем как дети собирают камешки и снова разбрасывают их. Они не ищут скрытых сокровищ, они не умеют закидывать сети".

В. Б. Йейтс.

Сентябрь 1912.

Содержание

1. "Ты сделал меня бесконечным..."
2. "Когда ты повелеваешь мне петь..."
3. "Я не знаю, как ты поешь..."
4. "Жизнь моей жизни..."
5. "Я прошу минутной милости..."
6. "Сорви этот маленький цветок..."
7. "Моя песня сбросила с себя свои украшения..."
8. "Дитя, облеченное в княжеские одежды..."
9. "О, безумец, пытающийся держаться..."
10. "Вот твоё подножие..."
11. "Оставь эти гимны..."
12. "Долго длится странствие мое..."
13. "Песнь, которую пришел я спеть..."
14. "У меня много желаний..."
15. "Я здесь, чтобы петь тебе песни..."
16. "Я был зван на праздник этого мира..."
17. "Я только жду любви..."
18. "Тучи громоздятся на тучи..."
19. "Если ты не заговоришь..."
20. "В тот день, когда цвел лотос..."
21. "Я должен спустить свой челн..."
22. "В густых тенях дождливого июля..."
23. "В эту бурную ночь..."
24. "Если день кончен..."
25. "В ночь томления..."
26. "Он пришел и сел возле меня..."
27. "Свет - о, где же свет..."
28. "Упорны путы..."
29. "Тот, кого я ограничиваю..."
30. "Я вышел один..."
31. "- Узник, скажи, кто тебя сковал?.."

32. "Любящие меня в этом мире..."
33. "Когда был день..."
34. "Пусть лишь то малое останется от меня..."
35. "Где разум не знает страха..."
36. "Вот моя молитва к тебе..."
37. "Я думал, что мое скитание..."
38. "Что я жажду тебя, только тебя..."
39. "Когда сердце станет ожесточаться..."
40. "Долгие, долгие дни..."
41. "Где стоишь ты, мой возлюбленный..."
42. "Рано утром кто-то шепнул мне..."
43. "Был день, когда я не был готов..."
44. "Вот наслаждение мое..."
45. "Разве вы не слыхали..."
46. "Я не знаю, с какого далекого мгновения..."
47. "Ночь почти вся прошла..."
48. "Утреннее море безмолвия..."
49. "Ты сошел со своего престола..."
50. "Нищий, я ходил от двери к двери..."
51. "Ночь темнела..."
52. "Я хотела попросить у тебя..."
53. "Прекрасно твое запястье..."
54. "Я ничего не просила у тебя..."
55. "Истома у тебя в сердце..."
56. "Вот почему Твоя радость..."
57. "Свет, мой свет..."
58. "Пусть все напевы радости..."
59. "Да, я знаю, лишь твоя любовь..."
60. "На морском берегу..."
61. "Сон, что скользит по глазам малытки..."
62. "Когда я приношу тебе раскрашенные игрушки..."
63. "Ты сделал меня известным..."
64. "На откосе пустынной реки..."
65. "Какой божественный напиток..."
66. "Та, что неизменно пребывала..."
67. "Ты - небо..."
68. "Твой солнечный луч..."
69. "Тот же поток жизни..."
70. "Разве ты не способен радоваться..."
71. "Чтоб я носился с самим собой..."
72. "Это он, сокровеннейший..."

73. "Освобождение для меня не в отречении..."
74. "Дня уже не стало..."
75. "Твои дары нам, смертным..."
76. "День за днем..."
77. "Я знаю тебя..."
78. "Когда творение было еще ново..."
79. "Если мне не суждено встретиться..."
80. "Я подобен полоске осенней тучи..."
81. "В длинной смене праздных дней..."
82. "Время бесконечно в твоих руках..."
83. "Мать, я сплету тебе..."
84. "Эта тоска разделения..."
85. "Когда воины вышли впервые..."
86. "Смерть, твоя прислужница..."
87. "С отчаянной надеждой..."
88. "Божество разрушенного храма..."
89. "Не услышите больше..."
90. "В тот день, когда смерть..."
91. "Ты, последнее завершение жизни..."
92. "Я знаю, настанет день..."
93. "Я получил свой отпуск..."
94. "В этот час моего ухода..."
95. "Я не признавал мгновенья..."
96. "Когда я буду уходить отсюда..."
97. "Когда я играл с тобой..."
98. "Я покорю тебя трофеями..."
99. "Когда я бросаю шлем..."
100. "Я погружаюсь в глубину океана..."
101. "Всегда в моей жизни..."
102. "Я хвалился перед людьми..."
103. "В едином приветствии Тебе..."

1

Ты сделал меня бесконечным, - такова твоя воля. Ты снова и снова опустошаешь этот хрупкий сосуд, и вечно наполняешь его новой жизнью.

Ты пронес эту маленькую тростниковую свирель по холмам и долинам и влагал в нее вечно новые мелодии.

От бессмертного прикосновения твоих рук маленькое сердце мое теряет в радости свои пределы и рождает неизреченные глаголы.

Твои несметные дары я принимаю вот этими моими малыми руками. Века проходят, а ты все изливаешь, и все еще остается место для наполнения.

2

Когда ты повелеваешь мне петь, мне кажется, что сердце мое готово разорваться от гордости; и смотрю я в лицо твое, и слезы выступают на моих глазах.

Все, что есть грубого и нестройного в моей жизни, растворяется в одной сладкой гармонии - и мое поклонение расправляет крылья, как радостная птица в своем полете через море.

Я знаю, что тебе угодно мое пение. Я знаю, что лишь как певец я предстою перед тобой.

Краем широко раскрытого крыла моей песни касаюсь я ног твоих, приблизиться к которым я никогда не смел бы уповать.

Опьяненный радостью пения, я забываю себя и называю другом тебя, моего владыку.

3

Я не знаю, как ты поешь, мой властелин! Я вечно слушаю в безмолвном изумлении.

Свет твоей музыки озаряет мир. Животворящее дыхание твоей музыки пробегает от неба к небу. Святое течение твоей музыки прорывает все каменные преграды и устремляется вперед.

Мое сердце томится желанием присоединиться к твоей песне, но тщетно ищет голоса. Я хотел бы говорить, но речь не выливается в песню, и, обманутый, я только восклицаю: - Ах! Ты сделал сердце мое пленником в бесконечных сетях твоей музыки, мой властелин.

4

Жизнь моей жизни, я всегда буду стараться соблюдать свое тело чистым, зная, что твое живое прикосновение - на всех моих членах.

Я всегда буду стараться отстранять от своих мыслей всякую неправду, зная, что ты - та истина, которая зажгла свет разума в моей душе.

Я всегда буду стараться изгонять всякое зло из своего сердца и сохранять свою любовь в цвету, зная, что ты восседаешь в святом-святых моего сердца.

И я буду стремиться проявлять тебя в своих действиях, - зная, что лишь твое могущество дает мне силу действовать.

5

Я прошу минутной милости - посидеть возле тебя. Работу, которая у меня в руках, я кончу после.

Вне зрелища лика твоего мое сердце не знает ни отдыха, ни покоя, и труд мой становится бесконечной тяготой в безбрежном море тягот.

Сегодня лето подошло к моему окну со своими вздохами и шепотами; пчелы снуют со своим пением во дворе цветущей рощи.

Теперь время сидеть спокойно, лицом к лицу с тобой, и воспевать освящение жизни среди этого безмолвного и венчанного преизбытком досуга.

6

Сорви этот маленький цветок и возьми его, не медли! Я боюсь, как бы он не увял и не упал во прах.

В твоей гирлянде он, быть может, не найдет себе места, но удостой его легкого напряжения руки твоей и сорви его. Я боюсь, как бы день не кончился незаметно для меня, и не прошел час жертвоприношения.

Хоть и не густы его краски и слабо его благоухание, употреби этот цветок на служение тебе и сорви его, пока еще не поздно.

7

Моя песня сбросила с себя свои украшения. Она не блещет нарядами и уборами. Драгоценности расторгли бы наш союз; они стали бы между тобой и мною; их бряцание заглушило бы твои шепоты.

Мое тщеславие поэта умирает при виде тебя. О, властелин-поэт, я простерся у ног твоих. Дай лишь мне сделать жизнь мою простой и прямою, как тростниковая свирель, чтобы ты ее наполнил музыкой.

8

Дитя, облеченное в княжеские одежды, с драгоценными ожерельями на шее, теряет всякое удовольствие к игре; его наряды связывают его на каждом шагу.

Из страха измять или запылить их он держится в стороне от мира, и боится даже двигаться.

Мать, оковы щегольства бесполезны, если они отторгают человека от здорового праха земли, если они лишают его права входа на великое торжище обыденной человеческой жизни!

9

О, безумец, пытающийся держаться на своих собственных ногах! О, нищий, приходящий просить милостыню к своей собственной двери!

Предоставь все свое бремя рукам того, кто может всё снести, и никогда не оглядывайся назад с сожалением.

Твое желание сразу гасит свет лампы, которой оно касается своим дыханием. Оно нечестиво - не принимай своих даров из его нечистых рук. Принимай лишь то, что предлагается святой любовью.

10

Вот твоё подножие, и там покоятся твои ноги, где живут самые бедные и самые униженные и потерянные.

Когда я пытаюсь склониться перед тобой, мое преклонение не может достигнуть до глубин, где твои ноги покоятся среди самых бедных и самых униженных и потерянных.

Гордость никогда не может проникнуть туда, где ты шествуешь в одеждах смиренного среди самых бедных и самых униженных и потерянных.

Мое сердце никогда не сможет найти свою дорогу туда, где ты входишь в общение с разобщенными среди самых бедных, самых униженных и потерянных.

11

Оставь эти гимны и песнопения и перебирание четок! Кого славословишь ты в уединенном, темном углу храма с наглухо закрытыми дверями? Открой глаза, и ты увидишь, что твой Бог не перед тобой.

Он там, где пахарь вспахивает твердую почву, и где строитель тропинок разбивает камни. Он с ними в солнце и в ливень, и Его одежды покрыты пылью. Сбрось с себя священный плащ и подобно Ему спустись на пыльную землю!

Освобождение? Где найти это освобождение? Сам наш Владыка радостно взял на себя узы творения; Он связан с нами навеки.

Очнись от своих созерцаний и отложи в сторону цветы и фимиам! Что за беда, если порвется и испачкается твоя одежда? Встреть Его и пребудь с Ним, трудясь в поте лица своего!

12

Долго длится странствие мое и долга стезя моя. Я выехал на колеснице первого луча света и продолжал свое странствование через пустыни миров, оставляя след свой на многих звездах и планетах.

Дальше всех та дорога, что приводит ближе всего к тебе, и труднее всего то учение, что ведет к простоте напева.

Путнику приходится стучаться во все чужие двери, чтобы придти к своей, и приходится странствовать по всем внешним мирам, чтобы достигнуть в конце концов сокровенного алтаря.

Повсюду блуждали глаза мои, пока я не закрыл их и не сказал: - "Ты здесь!"

Вопрос и возглас: - "О, где же?" - расплываются в тысячеструйных слезах и заливают мир потоком утверждения:

- "Я здесь".

13

Песнь, которую пришел я спеть, остается неспетой до сего дня.

Я растратил свои дни, настраивая и ослабляя мои струны.

Лад был неверен, Неверно подобраны слова; одна пытка желания в моем сердце.

Цветок не раскрылся; только ветер вздыхает вблизи.

Я не видел лика его, не внимал его голосу: я лишь слышал его тихие шаги на дороге перед моим домом.

Бесконечный день проходил в хлопотах об устройстве для него сидения на полу; но светильник не зажжен и я не могу позвать Его к себе в дом.

Я живу надеждой свидеться с ним; но этого свидания еще нет.

14

У меня много желаний и жалобен мой вопль, но ты всегда спасал меня суровыми отказами; и это суровое милосердие закалило всю мою жизнь.

День за днем ты делаешь меня достойным простых, великих даров, которые ты сам ниспослал мне, без моих молений - этого неба и света, этого тела, и жизни и духа, - спасая меня от опасностей чрезмерных желаний.

Бывают времена, когда я бессильно коснею, и времена, когда я пробуждаюсь и трепетно отыскиваю мою цель; но ты жестоко скрываешься от меня.

День за днем ты делаешь меня достойным твоего полного приятия, вечно отказывая мне, спасая меня от опасностей слабого, неуверенного желания.

15

Я здесь, чтобы петь тебе песни. В этом твоём чертоге у меня есть своё место в уголке.

В твоём мире нет для меня дела; моя бесполезная жизнь может лишь разливаться в бесцельных напевах.

Когда пробьёт час безмолвной молитвы тебе в темном храме полуночи, повели мне, владыка мой, предстать пред тобой с песней.

Когда в утреннем воздухе зазвучит золотая арфа, осени меня призывом предстать пред лицом твоим.

16

Я был зван на праздник этого мира, и тем благословенна жизнь моя. Очи мои видели и уши мои слышали.

Моя доля в этом пиршестве - играть на моей лире, и я сделал, что мог.

Я теперь спрашиваю, настало ли, наконец, время, когда я могу войти и увидеть твой лик, и принести тебе мое безмолвное поклонение?

17

Я только жду любви, чтоб отдаться, наконец, в её руки. Вот почему я запоздал, и почему я оказался виновен в таких упущениях.

Люди приходят со своими законами и уложениями, чтобы крепко связать меня; но я всегда ускользаю от них, ибо я только жду любви, чтобы отдаться наконец в её руки.

Меня осуждают и называют меня небрежным; нет сомнения, они правы в своём осуждении.

Кончился день торга и кончили дела свои занятые люди. Те, что напрасно приходили звать меня, ушли в гнев назад. Я только жду любви, чтоб отдаться, наконец, в ее руки.

18

Тучи громоздятся на тучи и становится темно. О, любовь, зачем ты заставляешь меня ждать за дверью совсем одного?

В хлопотливые мгновения полдневного труда я вместе с толпой, но в этот темный сиротливый день я уповаю только на тебя.

Если ты не явишь мне лика своего, если ты совершенно покинешь меня, я не знаю, как я проведу эти долгие, дождливые часы.

Смотрю и смотрю я в далекий сумрак неба, и сердце мое блуждает, и

19

Если ты не заговоришь, я наполню сердце твоим молчанием и претерплю его. Я буду безмолвен и буду ждать, подобно ночи с ее звездной бдительностью и с ее низко склоненной в терпении головой.

Неминуемо утро настанет, исчезнет мрак и твой голос изольется на землю, прорывая небо золотыми потоками.

И твои слова вознесутся песнями над каждым моим птичьим гнездом, и твои напевы взойдут цветами во всех моих лесных чащах.

20

В тот день, когда цвел лотос, мои мысли - увы! - блуждали, и я этого не знал. Моя корзина была пуста и цветок остался незамеченным.

Лишь печаль то и дело овладевала мной, и я вскакивал ото сна и в южном ветре чувствовал сладкий след странного благоухания.

От этой неуловимой сладости болело тоскою сердце у меня и мне чудилось, что это пламенное дыхание лета, ищущего своего завершения.

Я не знал тогда, что оно было так близко, что оно - мое, и что эта совершенная сладость расцвела в глубине моего собственного сердца.

21

Я должен спустить свой челн. Томительные часы проходят на берегу - горе мне!

Весна свершила свое цветение и отошла. И теперь, с охапкой завядших, тленных цветов я жду и томлюсь.

Волны забурлили, и на берегу в тенистой аллее порхают и падают желтые листья.

В какую пустоту вперили вы взор? Разве вы не чувствуете трепетания, что проносится в воздухе, далекой песни, плывущей с отзвуками с того берега?

22

В густых тенях дождливого июля незримиыми шагами проходишь ты, безмолвный, как ночь, избегая всех стражей.

Сегодня утро закрыло свои глаза, не внимая настойчивым зовам звонкого восточного ветра, и густой пеленой подернулось вечно бодрствующее синее небо.

Затихли песни в лесах и закрылись двери во всех домах. Ты - одинокий странник на этой пустынной дороге. О, мой единственный друг, мой возлюбленный, ворота моего дома открыты - не минуй их, как сновидение.

23

В эту бурную ночь вышел ли ты в свой путь любви, мой друг? Небо стонет, как сердце в отчаянии.

Мне не спится в эту ночь. То и дело отворяю дверь я и вглядываюсь в темноту, мой друг!

Я ничего не вижу перед собой. Где же пролегает твоя стезя?

Каким темным берегом черной реки, какой далекой опушкой хмурого леса, через какие глубокие бездны мрака ты торопишься в пути ко мне, мой друг?

24

Если день кончен, если птицы больше не поют, если ветер устало притих, набрось на меня густую завесу тьмы, подобно тому, как ты окутал землю покрывалом сна и нежно закрыл лепестки увядающего лотоса в сумеречный час.

Странника, чья котомка опустела до окончания пути, чья одежда изорвалась и запылилась, чьи силы иссякли, избавь от нищеты и стыда и обнови его жизнь, как ты обновляешь цветок под кровом своей ласковой ночи.

25

В ночь томления позволь мне уснуть без борьбы, возлагая на тебя свое упование.

Позволь мне не понуждать мой немощный дух жалким приготовлением к поклонению тебе.

Ведь ты застилаешь пеленой ночи усталые глаза дня, чтобы обновить его зрение более свежей радостью пробуждения.

26

Он пришел и сел возле меня, но я не проснулся. О, проклятие этому сну! О, я, несчастный!

Он пришел, когда ночь была тиха; его арфа была у него в руках, и сны мои стали созвучны ее напевам.

Увы, почему так пропадают все мои ночи? О, почему мне нельзя видеть того, чье дыхание касается моего сна?

27

Свет - о, где же свет? Зажги его палящим огнем желания!

Вот светильник, но нет пламени, такова твоя судьба, сердце мое! Ах, гораздо лучше для тебя была бы смерть!

Невзгода стучится в мою дверь, и весть ее гласит, что господин твой бодрствует, и он зовет тебя сквозь мрак ночной на свидание любви.

Небо закрыто тучами и дождь льет все время. Я не знаю, что шевелится во мне, что это значит.

Мгновенный блеск молнии еще более глубоким мраком заволакивает мой взор, и ощупью ищет сердце мое дороги туда, куда зовет меня музыка ночи.

Свет - о, где же свет? Зажги его палящим огнем желания! Гром гремит и с воплями мечется ветер в пустыне. Ночь черна, как черный камень. Не давай часам проходить во мраке. Зажги своей жизнью светильник любви!

28

Упорны пути, но моему сердцу больно, когда я пытаюсь порвать их. Свобода - вот все, что мне нужно, но я стыжусь надеяться на нее. Я уверен, что в тебе бесценные богатства, и что ты - мой лучший друг, но у меня не хватает решимости вымести блески, наполняющие мою комнату.

Ткани, прикрывающие меня - саван праха и смерти; я ненавижу его, и все же с любовью прижимаю его к себе.

Велики долги мои, огромны мои прегрешения, и тяжек мой тайный стыд; и все же, когда я начинаю молиться о своем благе, я трепещу от страха, как бы не исполнилась моя молитва.

29

Тот, кого я ограничиваю своим именем, плачет в этой темнице. Я все время тружусь над сооружением этой круговой стены; и по мере того, как день за днем эта стена все выше вздымается к небу, в ее глубокой тени, я теряю из виду свою истинную сущность.

Я горжусь этой великой стеной, и скрепляю ее глиной и песком, чтоб даже малой щели не осталось в этом имени; и несмотря на все мои страдания я теряю из виду свою истинную сущность.

30

Я вышел один, направляясь к месту моего свидания. Но кто же следует за мной в безмолвной тьме?

Я сторонюсь, чтоб избежать его присутствия, но не могу ускользнуть от него.

Он поднимает пыль земли своим чванством; громким голосом он вторит каждому моему слову.

Это - мое собственное ничтожество, - владыка мой, - оно не знает стыда; но мне стыдно подойти к твоей двери вместе с ним.

31

- "Узник, скажи, кто тебя сковал?"

- "Мой властелин", - отвечал узник.

"Я думал, что могу превзойти всех на свете богатством и могуществом, и я собрал в своей сокровищнице золото, которое должен был отдать своему царю. Когда сон одолел меня, я лег на ложе, приготовленное для моего властелина, и проснувшись, увидел себя узником в своей собственной сокровищнице".

- "Узник, скажи мне, кто выковал эту несокрушимую цепь?"

- "Я сам", - отвечал узник, - "с величайшим страданием сковал эту цепь. Я думал, что мое непобедимое могущество будет держать в плену весь мир, оставляя себе ничем не нарушимую свободу. И вот день и ночь скреплял я эту цепь грозным огнем и суровым тяжким молотом. Когда работа была кончена и все звенья были готовы и несокрушимы, я увидел, что цепь сковала меня".

32

Любящие меня в этом мире стремятся всеми средствами завладеть мной. Но иначе поступает твоя любовь, что больше их любви, и ты сохраняешь мне свободу.

Боясь, как бы я не забыл их, они никогда не отваживаются оставить меня одного. Но день проходит за днем и ты незрим!

Пусть я не призываю тебя в своих молитвах, пусть я храню тебя в своем сердце, - твоя любовь ко мне все ждет моей любви.

33

Когда был день, они пришли ко мне в дом и сказали: - "Мы займем здесь лишь самую маленькую комнату".

Они сказали: - "Мы будем помогать тебе в служении твоему Богу и смиренно примем лишь нашу собственную долю его благодати"; - и вот они поместились в уголке и сидели тихо и смиренно.

Но во мраке ночи я вижу, что, дикие и мятежные, они врываются в мой потаенный храм, и с нечестивой алчностью расхищают жертвенные дары с алтаря Господня.

34

Пусть лишь то малое останется от меня, благодаря чему я могу называть тебя своим всем.

Пусть лишь то малое останется от воли моей, благодаря чему я могу всецело ощущать тебя и прибегать к тебе во всем и каждый миг приносить тебе мою любовь.

Пусть лишь то малое останется от меня, чтобы ты во мне был явен.

Пусть лишь то малое останется от уз моих, благодаря чему я был бы связан с твоей волей и твой замысел осенил мою жизнь, и это - узы твоей любви.

35

Где разум не знает страха и голова поднята высоко;
Где знание свободно;
Где мир не раздроблен на части узкими домашними стенами;
Где слова исходят из глубины правды;
Где неустанное стремление простирает руки к совершенству;
Где светлый поток рассудка не утратил своего пути в унылых,
пустынных песках мертвой привычки;
Где ты ведешь разум вперед к вечно расширяющимся мысли и
действию -
В этом небе свободы, о, мой Отец, дай проснуться моей стране.

36

Вот моя молитва к тебе, Господин - рази, рази в самый корень нищету
моего сердца.
Дай мне силу легко переносить мои радости и горести.
ДАй мне силу делать любовь мою плодотворной в служении.
Дай мне силу никогда не отречься от бедных и не преклонять колен
пред дерзким могуществом.
Дай мне силу высоко вознести мой дух над мелочами повседневной
жизни.
И дай мне силу подчинять с любовью свою силу воле твоей.

37

Я думал, что мое скитание пришло к концу с последним усилием моей мощи, - что стезя передо мной оборвалась, что запасы истощились и приходит время искать приюта в безмолвной темноте.

Но я вижу, что твоя воля не знает во мне конца. И когда старые слова умирают на языке, новые напевы льются из сердца; и когда старые следы исчезают, открывается новая страна со своими чудесами.

38

Что я жажду тебя, только тебя - пусть повторяет мое сердце без конца. Все желания, развлекающие меня днем и ночью, лживы и пусты до самой сердцевины своей.

Как ночь таит в своем мраке моление о свете, точно так же в глубине незнания моего звенит мой вопль - я жажду тебя, только тебя!

Как буря, враждуя изо всех сил с тишиной, жаждет завершиться тишиною, так и моя мятежность борется с твоей любовью и немолчен ее вопль: - я жажду тебя, только тебя!

39

Когда сердце станет ожесточаться и черстветь, приди ко мне с ливнем милосердия.

Когда благодать исчезнет из жизни, приди с разливом песнопения.

Когда шумный труд со всех сторон поднимет свой гул, одъединяя меня от внешнего мира, приди ко мне, властелин молчания, со своей тишиной и покоем.

Когда мое нищенское сердце, съезжившись, замкнется в уголке, распахни двери, Царь мой, и приди с царской пышностью.

Когда желание ослепит дух обольщением и прахом, приди, о святой, о, бодрствующий, со своей молнией и громом.

40

Долгие, долгие дни, Господи, дождь не орошал моего засохшего сердца. Яростно обнажен небосклон - ни тончайшей пелены легкого облака, ни самого смутного намека на далекий прохладный ливень.

Ниспошли свою грозную бурю, полную сумрака смерти, если так Тебе угодно, и бичами молнии потряси небо от края до края.

Но отзови, Боже мой, отзови этот всепроникающий безмолвный зной, тихий, острый и жестокий, сжигающий сердце лютым отчаянием.

Повели облаку благодати низко спуститься с вышины, подобно полному слез взору матери в день отцовского гнева.

41

Где стоишь ты, мой возлюбленный, прячась позади всех, скрываясь в тени? Тебя толкают и проходят мимо тебя по пыльной дороге, принимая тебя за ничтожного. Я жду здесь докучные часы, рассыпая перед собой свои приношения, между тем, как прохожие разбирают мои цветы, один за другим, и моя корзина почти пуста.

Утренний час прошел, и полдень. В тени вечера мои глаза отягощены сном. Люди, идущие в свой дом, смотрят на меня и улыбаются, и мне стыдно. Я сижу, как нищенка, закрывая лицо краем своей одежды, и когда меня спрашивают, что мне нужно, я потупляю глаза и не отвечаю.

О, как же, в самом деле, я могла бы сказать им, что я жду тебя, и что ты обещал прийти? Как могла бы я, пристыженная, сказать им, что эту бедность я беру себе в приданое? Ах, я лелею эту гордость в тайниках своего сердца.

Я сижу на траве, вперяю взор в небо, и мечтаю о внезапном блеске твоего пришествия - со множеством сверкающих огней, с золотыми стягами над твоей колесницей - и мечтаю о том, как люди на дороге оцепенеют от изумления, увидя, что ты сходишь со своего престола, чтобы поднять меня из праха, и дать место возле себя этой оборванной нищенке, дрожащей от стыда и гордости, как плющ под летним ветерком.

Но время идет, и все еще не слышно звона колес твоей колесницы. Много шествий мелькает с шумом и кликами, с пышностью и великолепием. Неужели ты один хочешь стоять в тени, безмолвный, прячась за всеми? Неужели я одна должна ждать и плакать и терзать мое сердце тщетным томлением?

42

Рано утром кто-то шепнул мне, что мы будем плыть в лодке, только ты и я, и что никогда ни одна душа на свете не узнает об этом нашем скитании без цели и без конца.

В этом безбрежном океане, в ответ на твою безмолвно внимающую улыбку, мои песни вздымались бы мелодиями свободными, как волны, от всякой неволи слов.

Или время еще не пришло? Или еще не все дела свершены? Смотри, вечер спустился на берег, и в гаснущем свете морские птицы летят к своим гнездам.

Кто знает, когда разомкнутся цепи, и лодка, как последний отблеск заката, исчезнет во тьме ночной?

43

Был день, когда я не был готов принять тебя; и, войдя в мое сердце незванный, как простой человек из толпы, неведомый мне, царь мой, ты наложил отпечаток вечности на многие мимолетные мгновения моей жизни.

И ныне, когда они случайно вспоминаются мне, и я вижу на них твою печать, я понимаю, что они лежали, разбросанные во прахе, смешанные с памятью о радостях и горестях позабытых мною моих будничных дней.

Ты не отвернулся с презрением от моих детских игр среди праха, и шаги, которые я слышал в своей детской, все те же, что отдаются эхом от звезды к звезде.

44

Вот наслаждение мое - сидеть и не смыкать глаз у края дороги, где тень гонится за светом, и дождь набегает следом за летним зноем.

Гонцы с вестями из неведомых стран приветствуют меня и спешат своей дорогой. На сердце у меня радостно, и сладко мне дыхание пролетающего ветерка.

От зари и до сумерек сижу я здесь, у своей двери, и знаю, что внезапно наступит блаженное мгновенье, когда я увижу тебя.

А пока я улыбаюсь и пою, совсем один. А пока воздух наполняется благоволением обета.

45

Разве вы не слышали его тихих шагов? Он идет, идет, вечно идет.

Во все мгновения и во все века, во все дни и во все ночи он идет, идет, вечно идет.

Много песен слагал я в различных душевных состояниях, но все их звуки всегда возглашали: - он идет, идет, вечно идет.

В благоуханные дни солнечного апреля по тропе лесной он идет, идет, вечно идет.

В дождливом сумраке июльских ночей на гремящей колеснице туч он идет, идет, вечно идет.

В скорбях и горестях его шаги гнетут мне сердце, и золотое прикосновение ног его заставляет мою радость сиять.

46

Я не знаю, с какого далекого мгновения ты подходишь все ближе и ближе навстречу мне. Твое солнце и звезды никогда не скроют тебя от меня навеки.

Много раз, в утренний час и в вечерний, были слышны твои шаги, и твой вестник входил в мое сердце и тайно звал меня.

Я не знаю, почему сегодня моя жизнь объята смятением, и чувство трепетной радости пронизывает мое сердце.

Точно настало время покончить с моей работой, и я чувствую в воздухе легкое благоухание твоего сладостного присутствия.

47

Ночь почти вся прошла в тщетном ожидании его. Я боюсь, что утром он внезапно подойдет к моей двери, когда, изнеможенный, я усну. О, друзья, оставьте ему путь открытым - не заграждайте ему входа.

Если звук его шагов не заставит меня очнуться, не пытайтесь разбудить меня, прошу вас. Я не хочу, чтобы мой сон был прерван крикливым хором птиц, шумом ветра на празднестве утреннего света. ДАйте мне спать безмятежно, если даже владыка мой внезапно подойдет к моей двери.

Ах, мой сон, драгоценный сон, ждущий только его прикосновения, чтоб исчезнуть! Ах, мои сомкнутые очи, они раскроют свои веки лишь при свете его улыбки, когда он будет стоять передо мной, как видение, всплывающее из сумрака сна.

Пусть он откроется моему зрению, как первый из всех светов и всех образов. Первый трепет радости в моей пробудившейся душе пусть будет вызван его взглядом. И возвращение мое к себе пусть будет непосредственным возвращением к нему.

Утреннее море безмолвия подернулось рябью птичьих песен; и радостные цветы стояли вдоль края дороги; и золото целыми потоками струилось сквозь прорывы облаков, в то время как мы торопливо совершали свой путь, не обращая ни на что внимания.

Мы не пели радостных песен и не играли; мы не заходили в селения купить что-нибудь; мы не говорили ни слова и не улыбались; мы не останавливались по дороге. Мы все более и более ускоряли наши шаги, по мере того, как бежало время.

Солнце поднялось на середину неба и горлицы ворковали в тени. Поблекшие листья плясали и кружились в знойном воздухе полудня. Мальчик пастух дремал и грезил в тени бананового дерева, и я сам лег у ручья и протянул на траве свои усталые члены.

Мои спутники презрительно смеялись надо мной; они высоко держали головы и спешили вперед; они никогда не оглядывались назад и не отдыхали; они исчезли в отдаленной голубой дымке. Много лугов и холмов пересекли они, и проходили через неведомые, далекие страны. Честь и слава тебе, геройская рать нескончаемой стези! Насмешки и укоризны подстрекали меня подняться, но не нашли отклика во мне. Я признал себя затерянным в бездне радостного смирения - в тени смутного восторга.

Покой расшитого солнцем зеленого сумрака медленно обволакивал мое сердце. Я забыл о цели своего странствия и без борьбы подчинил свои мысли лабиринту теней и песен.

Наконец, когда я очнулся от своей дремоты и открыл глаза, я увидел, что ты стоишь надо мной, осеняя мой сон своей улыбкой. А как боялся, что долог и труден будет путь, и что тяжело будет усилие достичь тебя!

49

Ты сошел со своего престола и остановился у дверей моей хижины.

Я пел один в уголке, и моя песня донеслась до твоего слуха. Ты сошел и остановился у дверей моей хижины.

Много искусных певцов в чертогах твоих, и во все часы дня послушника твоего там песни. Но простой напев новичка нашел отзвук в твоей любви. Одна маленькая, жалобная песенка слилась с великою музыкой мира - и вот, с цветком в награду мне, ты сошел и остановился у дверей моей хижины.

50

Нищий, я ходил от двери к двери по селению, когда твоя золотая колесница показалась вдали, как прекрасное сновидение, и я с недоумением стал спрашивать себя: - кто этот царь царей?

Мои надежды вознеслись высоко, и мне казалось, что пришел конец моим злополучным дням; я стоял, ожидая милостыни без молитвы и богатств, рассыпанных всюду среди праха.

Колесница остановилась там, где я стоял. Твой взор упал на меня, и ты сошел с нее с улыбкой. Я почувствовал, что, наконец, пришло ко мне счастье моей жизни. Тогда ты протянул внезапно свою правую руку и сказал: - "Что имеешь ты дать мне?"

Ах, это была царственная шутка - обратиться к нищему за милостыней с раскрытой ладонью! Я смутился и стоял в нерешительности, а потом медленно вынул из котомки крохотное хлебное зернышко и подал его тебе.

Но велико было мое удивление, когда, высыпав на пол в конце дня то, что было в моей сумке, я нашел среди скудного сбора крохотное зернышко золота. Горько плакал я и сокрушался, что не хватило у меня духа отдать тебе все, что у меня было.

Ночь темнела. Наши дневные дела были кончены. Мы думали, что последний гость прибыл на ночлег, и все двери в селении были заперты. Только некоторые говорили: - "Царь должен прийти". - Мы смеялись и отвечали: - "Нет, не может быть".

Почудился стук в дверь, но мы сказали, что это только ветер. Мы погасили лампы и легли спать. Только некоторые говорили: - "Это вестник!" Мы смеялись и отвечали: - "Нет, должно быть - ветер".

В середине ночи слышался какой-то звук. Мы подумали сквозь сон, что это - отдаленный гром. Земля заколебалась, стены дрогнули, тревожа нас в нашем сне. Только некоторые говорили, что это стук колес. Мы отвечали сонным шепотом: - "Нет, должно быть - гром в облаках!"

Ночь все еще была темна, когда грянули литавры. Раздался голос: - "Проснитесь! не медлите!" - Мы прижали руки к сердцу и содрогнулись от страха. Некоторые говорили: - "Смотрите, вот царское знамя!" - Мы вскочили на ноги и кричали: - "Теперь нельзя больше медлить!"

Царь пришел - но где же огни, где гирлянды? Где престол, на который он сядет? О, стыд, о, позор! Где чертоги, где убранство? Кто-то сказал: - "Напрасен этот крик! Встречайте его с пустыми руками, ведите его в пустынные комнаты".

Раскройте двери, играйте на морских раковинах! В глубине ночи прибыл царь нашего мрачного, унылого дома. Гром грохочет в небесах. Тьма содрогается от молний. Вынеси свою изодранную циновку и расстели ее на дворе. Вместе с бурей внезапно явился к нам царь страшной ночи.

52

Я хотела попросить у тебя - но не смела - венок из роз, который был у тебя на шее. И я ждала утро - когда ты ушел - чтобы найти хоть обрывки его на ложе. И, как нищенка, искала я на заре хоть одного или двух затерявшихся лепестков.

Горе мне, что нашла я? Какой знак любви, оставленный тобой? Не цветок, не пряности, не сосуд с душистой водой. Это - твой могучий меч, сверкающий, как пламя, тяжкий, как громовая стрела. Юный свет утра входит в окно и заливает твоё ложе. Утренняя птица щебечет и спрашивает: - "Женщина, что это у тебя?" - Нет, то не цветок, не пряности, не сосуд с душистой водой - это - твой грозный меч.

Я сижу, задумавшись над загадкой, что означает этот твой дар. Я не найду места, куда его спрятать, мне, хрупкой, стыдно носить его и я чувствую боль, когда прижимаю его к груди. Но в сердце своем я буду носить эту честь, бремя страдания, этот твой дар.

Отныне не будет больше страха для меня в этом мире, и ты будешь побеждать во всех моих боях. Ты оставил мне в спутницы смерть, и я увенчаю ее своей жизнью. Твой меч со мной, чтобы сокрушить мои оковы, и не будет больше страха для меня в этом мире.

Отныне я бросаю все бранные украшения. Владыка моего сердца, не будет больше ожиданий и слез в уголках, не будет больше робости и мягкости в поступках. Ты дал мне меч свой в убранство. Мне не надо больше кукольных украшений!

53

Прекрасно твое запястье, усеянное звездами и искусно выложенное тысячецветными камнями. Но еще прекрасней для меня твой меч с его молниеносным клинком, подобным распростертым крыльям божественной птицы Вишну, величаво парящей в гневном красном цвете заката.

Он трепещет, как последний отклик жизни в восторге страдания при конечном ударе смерти; он сияет, как чистое пламя, одной яркой вспышкой сжигающее всякое земное чувство.

Прекрасно твое запястье, усеянное звездными алмазами; но твой меч, о, владыка грома, блещет такой несравненной красотой, что страшно смотреть на него, страшно думать о нем.

54

Я ничего не просила у тебя; не открыла тебе своего имени. Когда ты простился, я стояла безмолвно. Я была одна у колодца, где дерево отбрасывало косую тень; женщины пошли домой с полными до краев коричневыми глиняными кувшинами. Они звали меня и кричали: - "Иди с нами, скоро уже полдень". - Но в какой-то истоме я медлила, погрузившись в смутное раздумье.

Я не слыхала твоих шагов, когда ты подошел. Твои глаза были печальны, когда обратились на меня; усталостью звучал твой голос, когда ты тихо сказал: - "Ах, я - жаждущий путник". - Я встрепелась от своих грез и налила воду из своего кувшина в твои сложенные горстью руки. Листья шелестели вверх, в невидимом сумраке куковала кукушка, и благоухание цветов бабл доносилось с поворота дороги.

Я стояла, онемев от стыда, когда ты спросил у меня мое имя. Что же я для тебя сделала, чтоб ты помнил меня? Воспоминание о том, что я могла дать тебе воды, чтобы утолить твою жажду, не покинет моего сердца и окутает его сладостью. Утро проходит, слабеют птичьи голоса, вверх шелестят листья, а я сижу и думаю... и думаю.

55

Истома у тебя в сердце, и дремота еще владеет очами твоими.

Разве не пришла к тебе весть о том, что цветок царит во всем блеске среди шипов? Пробудись, о пробудись же! не теряй даром времени.

У конца каменистой дороги мой друг сидит одинокий среди девственного безлюдья пустыни. Не обмани его. Пробудись, о, пробудись же!

Пусть небо томится и трепещет под зноем полдневного солнца, пусть горячий песок распростер свой струящий жажду плащ. Или нет радости в глубине твоего сердца? И разве на каждый звук твоих шагов не отзовется тропа твоя сладкой музыкой боли?

56

Вот почему Твоя радость во мне так полна. Вот почему ты сошел на землю ко мне. О, владыка небесный, где была бы Твоя любовь без меня!

Ты сделал меня участником всех этих сокровищ. В моем сердце бесконечная игра Твоего восторга. В моей жизни Твоя воля постоянно принимает тот или другой образ.

И, Царь царей, ты облекся в красоту, чтобы пленить мое сердце. И Твоя любовь теряется в любви Твоего возлюбленного, и вот Ты становишься видим в совершенном союзе двоих.

57

Свет, мой свет, наполняющий миры свет, лобзающий очи свет, улаждающий сердце свет!

Ах, свет пляшет, любовь моя, в средоточии моей жизни; свет взрывает, любовь моя, струны моей любви; небеса разверзаются, ветер бушует, смех пробегает по земле.

Бабочки раскрывают свои паруса в море света. Лилии и жасмины встают на гребне световых волн.

Свет рассыпается золотом на каждом облаке, любовь моя, и роняет алмазы в изобилии.

Веселье разливается от листка к листку, любовь моя, и ликование без меры. Река затопила свои берега, и поток радости проникает всюду.

58

Пусть все напевы радости сольются в моей последней песне - радость, заливающая землю диким преизбытком трав, радость, кружащая сестер-близнецов - жизнь и смерть - в пляске по белому свету, радость, что носится с бурей, потрясая и пробуждая смехом все живое, радость, что безмолвно поникла в слезах на раскрытом красном лотосе страдания, и радость, что роняет все достояние свое во прах и не знает слов.

59

Да, я знаю, лишь твоя любовь, о возлюбленный моего сердца - этот золотой свет, пляшущий на листьях, эти праздные облака, плывущие по небу, этот мимолетный ветерок, оставляющий свою прохладу на моем челе.

Утренний свет залил мои глаза, - это весть твоя моему сердцу. Твой лик склонился с вышины, твои очи глядятся с высоты в мои очи, и сердце мое коснулось ног твоих.

60

На морском берегу бесконечных миров собрались дети. Беспредельное небо неподвижно над ними, и немолчные воды охвачены бурей. На морском берегу бесконечных миров с криками и плясками собрались дети.

Строят они себе домики из песка и играют пустыми раковинами. Из листьев опавших они сплетают себе кораблики и, улыбаясь, пускают их по широкой пучине. Дети играют на морском берегу миров.

Они не умеют плавать, они не умеют закидывать сети. Искатели жемчуга ныряют за жемчужинами, купцы плывут на своих кораблях, а дети собирают камешки и снова разбрасывают их. Они не ищут скрытых сокровищ, они не умеют закидывать сети.

Море вздымается с хохотом, и бледной улыбкой мерцает морской залив. Смертоносные волны напевают детям незатейливые песни, как

поет мать, качая колыбель младенца. Море играет с детьми, и бледной улыбкой мерцает морской залив.

На морском берегу бесконечных миров собрались дети. Буря мечется в бездорожном небе; корабли бесследно тонут в пучине; смерть свирепствует, а дети играют. На морском берегу бесконечных миров великое собрание детей.

61

Сон, что скользит по глазам малютки - знает ли кто-нибудь, откуда он исходит? О, да, молва гласит, что обитель его в волшебном селении, где среди теней тускло озаренного светляками леса висят два застенчивых чародейственных бутона. Оттуда прилетает он целовать глаза малютки.

Улыбка, что играет на губах малютки, когда он спит, - знает ли кто-нибудь, где она родилась? О, да, молва шалит, что юный бледный луч нарастающего месяца коснулся края тающей осенней тучки, и впервые тогда родилась улыбка в грезе омытого росой утра - улыбка, что играет на губах малютки, когда он спит.

Сладостная, нежная свежесть, что расцветает на членах малютки - знает ли кто-нибудь, где она так долго таилась? О, да, когда мать его была молодой девушкой, она охватывала ее сердце нежной и безмолвной тайной любви - сладостная, нежная свежесть, что расцвела на членах малютки.

62

Когда я приношу тебе раскрашенные игрушки, дитя мое, я постигаю, для чего на облаках и на воде такая игра красок, и для чего цветы расписаны таким множеством оттенков - когда я дарю тебе раскрашенные игрушки, дитя мое.

Когда я пою, чтоб заставить тебя плясать, я хорошо знаю, для чего посылают волны хор своих голосов к сердцу внимающей земли - когда я пою, чтоб заставить тебя плясать.

Когда я приношу сласти твоим жадным рукам, я знаю, для чего есть мед в чашечке цветка и для чего плоды тайно наполняются сладким соком - когда я приношу сласти твоим жадным рукам.

Когда я целую лицо твое, чтоб заставить тебя улыбнуться, любовь моя, я постигаю, каков восторг, что струится с неба в свете утра, какова услада, которую летний ветерок приносит моему телу - когда я целую тебя, чтобы заставить тебя улыбнуться.

63

Ты сделал меня известным друзьям, которых я не знал. Ты дал мне место в домах, не мне принадлежащих. Ты приблизил дальних и из чужого сделал брата.

У меня тревога в сердце, когда я должен покинуть обычное убежище, - я забываю, что и в новом обитает старое и что ты обитаешь и там.

В рождении и в смерти, в этом мире и в других, куда бы ты ни повел меня, всюду ты, все тот же единый спутник моей бесконечной жизни, вечно связующий мое сердце с непривычными узами радости.

Тому, кто знает тебя, никто не чужд, нет для него запертой двери. О, внемли моей молитве, не дай мне утратить в общении со многими блаженство прикосновения к единому.

64

На откосе пустынной реки, среди высоких трав, я спросил ее: "Девушка, куда ты идешь, затемняя плащом своим лампаду? Мой дом совсем темен и одинок - дай мне твой светильник!" Она подняла на миг свои черные глаза и взглянула мне в лицо сквозь сумрак. "Я пришла к реке, - сказала она, - пустить свою лампаду по течению, когда дневной свет померкнет на западе". Я стоял один среди высоких трав и следил за робким пламенем ее лампы, бесцельно плывущей по течению.

В безмолвии надвигавшейся ночи я спросил ее: "Девушка, у вас все огни зажжены, - куда ты идешь со своей лампадой? Мой дом совсем темен и одиноко - дай мне твой светильник!" Она подняла к моему лицу свои черные глаза и остановилась на миг в нерешимости. "Я пришла, - сказала она наконец, - посвятить свою лампаду небу". Я стоял и следил за ее огоньком, бесцельно сгоравшим в пустыне.

В безлунной тьме полуночи я спросил ее: "Девушка, зачем ты держишь лампаду у своего сердца? Мой дом совсем темен и одиноко - дай мне твой светильник!" Она остановилась на миг и задумалась, глядя на мое лицо во мраке. "Я принесла свою лампаду, - сказала она, - чтоб присоединиться к карнавалу факелов". Я стоял и следил за ее маленьким светильником, бесцельно затерявшимся среди огней.

65

Какой божественный напиток хотел бы Ты получить, Господи Боже мой, из этой льющейся через край чаши моей жизни?

Мой Поэт, доставляет ли Тебе наслаждение видеть моими очами сотворенное Тобой и стоять у врат моих ушей, чтоб безмолвно внимать Твоей собственной вечной гармонии?

Твой мир сплетает слова в уме моем, и Твоя радость присовокупляет к ним музыку, Ты отдаешься мне в любви и чувствуешь во мне свою собственную сладость.

66

Та, что неизменно пребывала в глубине моего существа в сумерках мельканий и проблесков; та, что никогда не поднимала своего покрывала при свете утра, будет моим последним даром Тебе, Господи Боже мой, вложенным в мою последнюю песнь.

Слова стремились, но не могли овладеть ею; убеждение тщетно простирало к ней свои нетерпеливые объятия.

Я бродил из страны в страну, храня ее в тайниках моего сердца, и вокруг нее вздымались и падали рост и увядание моей жизни.

Над моими помыслами и деяниями, над моими снами и грезами царила она, хотя жила отдельно и одиноко.

Многие стучались в мою дверь и спрашивали ее и в отчаянии удалялись.

Никто в мире никогда не видел ее лицом к лицу, и она оставалась в своем уединении и ждала, чтоб Ты ее признал.

67

Ты - небо, и в то же время ты - гнездо.

О, прекрасное! Здесь, в гнезде, твоя любовь облекает душу криками и звуками и благоуханиями.

Приходит утро, держа в деснице золотую корзину с венками красоты, чтоб безмолвно увенчать землю.

И вечер приходит по одиноким, покинутым пастухами лугам, по бездорожным стезям, неся в своем золотом кувшине прохладные глотки мира с западного океана покоя.

Но там, где расстилается беспредельное небо, по которому душа должна совершить свой полет, там царит непорочной белое сияние. Нет там ни дня, ни ночи, ни образа, ни цвета, и никогда, никогда не раздается слово.

68

Твой солнечный луч с раскрытыми объятиями слетает на эту мою землю и весь долгий день стоит у моих дверей, чтоб вернуть к твоим ногам облака, сотканые из моих слез и вздохов и песен.

С любовным восторгом ты окутываешь свою звездную грудь этим покровом туманного облака, придавая ей бесчисленные формы и складки и окрашивая ее в постоянно меняющиеся цвета.

Она так легка, так воздушна, так нежна, так полна слез и темна, - вот почему ты любишь ее, непорочный и ясный. И вот почему она может скрывать твой грозный белый свет пафосом своих теней.

69

Тот же поток жизни, что струится в моих жилах, день и ночь, в ритмической пляске, струится по вселенной.

Та же жизнь радостно пробивается сквозь прах земли бесчисленными стеблями трав и разрастается буйными волнами листьев и цветов.

Та же жизнь колышется в океанской колыбели рождения и смерти, в отливе и в приливе.

Я чувствую, что мои члены возвеличены прикосновением этого мира жизни. И моя гордость питалась жизненным трепетанием веков, пляшущих в моей крови в этот миг.

70

Разве ты не способен радоваться радостью этого ритма? Кружится, торопиться и разбиваться в вихре этого ужасающего ликования?

Все стремится вперед, не останавливается; никакая сила не может остановить бег вещей, все устремляется вперед.

В такт этой неустанной, стремительной музыке возникают с пляской времена года и исчезают; краски, звуки, благоухания льются бесконечными каскадами в изобильную радость. Это брызжет и скудеет и умирает каждый миг.

71

Чтоб я носился с самим собой и любовался на все лады, отбрасывая цветные тени на твоё сияние, такова твоя *Майя*.

Ты ставишь преграду в своём собственном бытии и затем взываешь к своей раздробленной сущности мириадами звуков. Это твоё самоотчуждение воплотилось во мне.

Мучительная песня отдается по всему небу многоцветными слезами и улыбками, тревогами и надеждами, волны вздымаются и снова падают, грозы развиваются и снова возникают. Во мне ты сам уничтожаешь себя.

Эту стену, воздвигнутую тобой, неисчислимыми фигурами расписала кисть дня и ночи. За нею твой престол, затканый дивными тайнами изгибов, отмечающих все сухие линии прямизны.

Величественное зрелище тебя и меня застилает все небо. Весь воздух дрожит от звуков песни твоей и моей, и все века проходят в сокрытии и поисках тебя и меня

72

Это он, сокровеннейший, пробуждает мое существо своими глубоко скрытыми прикосновениями.

Это он завораживает своими чарами эти глаза и радостно играет на струнах моего сердца в разнообразных переливах наслаждения и боли.

Это он из неуловимых оттенков золота и серебра, голубого и зеленого цвета сплетает ткань этой *Майи*, являя сквозь ее складки стопы свои, от прикосновения которых я забываю самого себя.

Дни налетают, и века проходят, и всегда лишь он тревожит мое сердце под разными именами, в разных видах, в различных восторгах ликования и боли.

73

Освобождение для меня не в отречении, я чувствую объятия свободы в твоих сладостных узах.

Ты вечно изливаешь мне свежие глотки своего вина - разнообразного цвета и аромата - наполняя этот бренный сосуд до края.

Мой мир зажжет твоим пламенем свои сотни различных светильников и поставит их перед алтарем твоего храма.

Нет, я никогда не закрою дверей своих чувств. Восторги зрения, слуха и осязания будут основой наслаждения тобой.

Да, все мечты мои испепелятся в ярком пылании радости, и все мои желания созреют в плоды любви.

74

Дня уже не стало, тени простерлись по земле. Пора мне идти к реке наполнить свой кувшин.

Вечерний воздух звенит печальной музыкой воды. Ах, меня зовут в сумерки.

На одинокой дорожке нет прохожих, ветер поднялся, рябь скользит по реке.

Не знаю, вернусь ли я домой. Не знаю, кого мне случится встретить. Там, у брода, в маленькой лодке играет незнакомец на своей лютне.

75

Твои дары нам, смертным, удовлетворяют все наши надежды и, однако, устремляются обратно к тебе, не уменьшаясь.

Река должна совершить свою ежедневную работу, и спешит через поле и поселки;

Но ее непрерывное течение в своих извилах стремится омыть твои ноги.

Цветок наполняет воздух своим сладким благоуханием; но его последнее служение - принести себя в жертву тебе. Поклонение тебе не вносит в мир оскудения.

Из слов поэта люди черпают какой им угодно смысл; но их конечный смысл указывает на тебя.

76

День за днем, Владыка моей жизни, буду ли я стоять перед Тобой лицом к лицу? Со сложенными руками, Владыка всех миров, буду ли я стоять перед Тобой лицом к лицу?

Под Твоим великим небом, в пустынности и безмолвии, со смиренным сердцем, буду ли я стоять перед Тобой лицом к лицу?

В этом многотрудном мире Твоем с его шумным трудом и борьбой, среди суетливо толпящегося люда, буду ли я стоять перед Тобой лицом к лицу?

И какое мое дело, о Царь царей, будет совершено в этом мире, буду ли я, одинокий и бессловесный, стоять перед Тобой лицом к лицу?

77

Я знаю тебя, как Бога моего, и стою вдали - я не знаю Тебя, как свою собственность, и подхожу ближе. Я знаю Тебя, как своего отца, и склоняюсь к ногам Твоим - я не хватаю Тебя за руку, как друга.

Я не стою там, где Ты нисходишь на землю и признаешь Себя моим, чтобы прижать Тебя к своему сердцу и взять Тебя в товарищи.

Ты - брат среди моих братьев, но я не тужу о них; я не делюсь с ними плодами своего труда, всецело разделяя их с Тобой.

В наслаждении и в страдании я не стою возле людей, а стою возле Тебя. Я боюсь отказаться от своей жизни, и не погружаюсь в великие воды жизни.

78

Когда творение было еще ново, и все звезды сияли в своем первозданном великолепии, боги собрались на небесах и пели: - "О, зрелище совершенства! ничем не смущаемая радость!"

Но вдруг один из них воскликнул: - "В цепи света есть как-будто прорыв, одна звезда утрачена".

Золотая струна их арфы дрогнула, песня их оборвалась, и они испуганно вскричали: - "Да, эта утраченная звезда была прекрасней всех, она была славой всех небес!"

С того дня не прекращаются поиски этой звезды, и от одного бога к другому несется вопль, что мир утратил в ней свою единственную радость.

Лишь в глубочайшем безмолвии ночи звезды улыбаются и шепчут друг другу: - "Бесцельны поиски! Незыблемое совершенство над всем!»

79

Если мне не суждено встретиться с тобой в этой моей жизни, дай мне всегда чувствовать, что я был лишен твоего лицезрения, - не дай мне забыть ни на миг, дай мне и в сонных грезах моих, и в часы бодрствования сносить муки этого горя.

Когда мои дни проходят на многолюдном торжище этого мира, и руки мои наполняются ежедневной добычей, дай мне всегда чувствовать, что я не приобрел ничего, - не дай мне забыть ни на миг, дай мне и в сонных грезах моих, и в часы бодрствования сносить муки этого горя.

Когда я сижу у дороги, усталый и жаждущий, когда я стелю себе ложе во прахе, дай мне всегда чувствовать, что долгий путь еще не пройден мной - не дай мне забыть ни на миг, дай мне и в сонных грезах моих, и в часы бодрствования сносить муки этого горя.

Когда покои мои изукрашены, и флейты звучат, и звонок смех, дай мне всегда чувствовать, что я не позвал тебя в свой дом, - не дай мне забыть ни на миг, дай мне и в сонных грезах моих, и в часы бодрствования сносить муки этого горя.

80

Я подобен полоске осенней тучи, бесцельно носящейся по небу, о вечно лучезарное солнце мое! Твое прикосновение еще не растворило моих паров, превращая меня в твой свет, и вот, я считаю месяцы и годы, отторгнутый от тебя.

Если такова твоя воля, и если такова твоя забава, возьми эту бренную пустоту мою, распиши ее красками, позолоти ее золотом, отдай ее во власть шаловливому ветру и развей ее в различных чудесах.

И если к ночи тебе будет угодно кончить эту забаву, я растаю и исчезну во мраке, или в улыбке белого утра, в прохладе прозрачной чистоты.

81

В длинной смене праздных дней я сокрушался о потерянном времени. Но оно никогда не теряется, владыка мой! Ты взял в свои руки каждое мгновение моей жизни.

Затаенный в сердце вещей, ты растишь семена в побеги, почки - в цвет и заставляешь цветы созревать в изобилие плодов.

Утомленный, я спал на своем праздном ложе, воображая, что кончены все дела. Утром я проснулся и увидел свой сад, полный чудес цветов.

82

Время бесконечно в твоих руках, владыка мой. Никто не может сосчитать твои минуты.

Дни и ночи проходят, и века расцветают и вянут, как цветы. Ты умеешь ждать.

Твои столетия следуют одно за другим, совершенствуя маленький дикий цветочек.

Нам нельзя терять время, и, не имея времени, мы должны цепляться за наши возможности. Мы слишком бедны, чтоб запаздывать.

И вот время проходит в том, что я отдаю его каждому докучному человеку, заявляющему на него притязания. И твой алтарь остается до самой последней минуты без всяких жертвоприношений.

В конце дня я спешу, боясь найти врата твои закрытыми; но я убеждаюсь, что еще есть время.

83

Мать, я сплету тебе жемчужное ожерелье из своих скорбных слез.

Звезды сковали из света запястья для твоих ног, а моя цепь будет висеть у тебя на груди.

Ты - источник богатства и славы, и от тебя зависит, дать их или отказать в них. Но эта моя скорбь - всецело моя собственная, и, когда я приношу ее тебе как свою жертву, ты награждаешь меня своей благодатью.

84

Эта тоска разделения разливается по всему миру и рождает неисчислимые образы в беспредельном небе.

Эта скорбь разделения переводит всю ночь безмолвный взор от одной звезды к другой и становится лирикой среди шелестящей листвы в дождливом сумраке июля.

Эта всюду разливающаяся мука углубляется в любви и желаниях, в страданиях и радостях человеческого крова; и это вечно тает и брызжет в песнях в моем сердце поэта.

85

Когда воины вышли впервые из чертогов своего властелина, куда они скрыли свою силу? Где были их оружие и доспехи?

Они казались бледными и беспомощными, и стрелы градом посыпались на них в тот день, когда они вышли из чертогов своего властелина.

Когда воины шествовали назад в чертоги своего властелина, куда скрыли они свою силу?

Они побросали мечи и побросали луки и стрелы; мир был у них на челе, и они оставили плоды своей жизни позади себя в тот день, когда они шествовали назад в чертоги своего властелина.

86

Смерть, твоя прислужница, стоит у моих дверей. Она переплыла неведомое море и принесла твой зов в мой дом.

Ночь темна, и сердце мое исполнено страха, - но я возьму светильник, раскрою мои врата и с поклоном буду приветствовать ее. Это вестница твоя стоит у моих дверей.

Я преклоняюсь перед ней, сложив руки и проливая слезы. Я преклонюсь перед ней, положив к ее ногам сокровище моего сердца.

Она уйдет, совершив свое дело, бросив мрачную тень на мое утро, и в моем опустошенном доме останется одно мое сиротливое я, как мое последнее жертвоприношение тебе.

87

С отчаянной надеждой я хожу и ищу ее во всех уголках своей комнаты; я ее не нахожу.

Мой дом мал, и что раз ушло из него, никогда не может быть возвращено.

Но твоя обитель бесконечна, владыка мой, и в поисках ее я пришел к твоей двери.

Я стою под золотым сводом твоего вечернего неба и поднимаю свои нетерпеливые глаза к лику твоему.

Я пришел к порогу вечности, откуда ничто не может исчезнуть, - ни надежда, ни счастье, ни видение лица, мелькнувшего сквозь слезы.

Ах, погрузи мою опустевшую жизнь в этот океан, брось ее в его глубочайшую полноту. Дай мне хоть раз почувствовать это утраченное сладкое прикосновение во всеобъемлемости вселенной.

88

Божество разрушенного храма! Порванные струны *Вины* - не воспевают тебе больше хвалу. Вечерние колокола не возглашают час возношения тебе молитв. Воздух тих и безмолвен вокруг тебя.

В твою опустелую обитель врывается буйный весенний ветер. Он принесет вести о цветах - о цветах, которые больше не приносят в жертву, прославляя тебя.

Твой давний служитель бродит, снедаемый тоской по милости, в которой все еще ему отказано. В вечернее время, когда огни и тени сливаются с сумраком праха, он устало плетется назад к разрушенному храму с голодом в своем сердце.

Много празднеств наступает для тебя в безмолвии, божество разрушенного храма. Много молитвенных ночей уходит с невозженным светильником.

Много новых изваяний создается мастерами хитроумного искусства и уносится в священный поток забвения, когда наступает их срок.

Только божество разрушенного храма остается без почитания в бессмертной заброшенности.

89

Не услышите больше шумливых звонких слов от меня - такова воля моего господина. Отныне я буду говорить шепотом. Речь сердца моего будет изливаться в журчании песни.

Люди спешат на торжище Царя. Там все покупатели и продавцы. Но я получил свой несвоевременный отпуск в середине дня, в самый разгар работы.

Пусть же распускаются цветы в моем саду, хотя их время не пришло, и пусть полуденные пчелы поднимут свое ленивое жужжание.

Много, много часов провел я в борьбе добра и зла, но теперь товарищу моих игр в праздные дни угодно привлечь мое сердце к себе; и я не знаю, зачем этот внезапный зов и по какому бесцельному и лишенному последовательности поводу.

90

В тот день, когда смерть постучится в твою дверь, какое приношение ты сделаешь ей?

Я поставлю перед гостьей полный сосуд своей жизни - я не отпущу ее с пустыми руками.

Весь сладкий виноградный сбор моих осенних дней и летних ночей, всю добычу и жатву моей трудовой жизни поставлю я перед своей гостьей на исходе дней, когда смерть постучится в мою дверь.

91

Ты, последнее завершение жизни, - Смерть, моя смерть, приходи со своим шепотом ко мне!

День за днем поджидал я тебя; ради тебя я сносил радости и муки жизни.

Все, что я есть, что я имею, на что я надеюсь, и вся моя любовь всегда устремлялась к тебе в глубине тайны.

Один последний взгляд твоих очей, и моя жизнь будет твоей навеки.

Цветы сплетены, и готов венок для жениха. После венчального обряда невеста покинет свой дом и одна, в одиночестве ночи, встретит своего господина.

92

Я знаю, настанет день, когда я потеряю из виду эту землю, и жизнь отойдет в безмолвии, опустив последнюю завесу на мои глаза.

Но все так же будут звезды бодрствовать ночью, и утро будет вставать, как прежде, и часы будут вздыматься, как волны морские, выбрасывая на поверхность наслаждения и страдания.

Когда я думаю об этом конце моих мгновений, преграда мгновений рушится, и, при свете смерти я вижу твой мир с его беспечными сокровищами. Драгоценно самое низкое место в нем, драгоценна самая ничтожная из его жизней.

То, по чему я тщетно тосковал, и то, что я обрел - пусть проходит. Дай мне воистину владеть лишь тем, что я всегда отвергал и презирал.

93

Я получил свой отпуск. Проститесь со мной, братья! Я всем вам делаю поклон и ухожу.

Вот я отдаю ключи от своей двери и отказываюсь от всяких прав на свой дом. Я только прошу у вас прощальных ласковых слов.

Мы долго были соседями, но я больше получил, чем мог дать. Теперь день занялся, и лампа, освещавшая мой темный угол, догорела. Пришла весть, и я готов тронуться в путь.

94

В этот час моего ухода пожелайте мне счастья, друзья мои. Небо пылает румянцем зари, и прекрасна тропа, лежащая передо мной.

Не спрашивайте, что я беру с собой в дорогу. Я пускаюсь в мой путь с пустыми руками и уповающим сердцем.

Я надену свой свадебный венок. Не пристало мне красно-бурое одеяние странника, и, хотя есть опасности на моей стезе, я не знаю страха в моей душе.

Вечерняя звезда засияет, когда будет кончен мой путь, и жалобные звуки сумеречных напевов раздадутся из врат Царя.

95

Я не сознавал мгновенья, в которое я переступил впервые порог этой жизни.

Какая сила заставила меня раскрыться в этой громадной тайне, как в полночь раскрывается почка в лесу!

Когда утром я взглянул на свет, я мгновенно почувствовал, что я не чужой в этом мире, что Неисповедимое без имени и образа приняло меня в свои объятия в образе моей родной матери. Совершенно так же и в смерти, то же самое Неведомое покажется мне вечно знакомым. И оттого, что я люблю эту жизнь, я знаю, что я буду любить и смерть.

Дитя плачет, когда мать отнимает его от правой груди, но уже в следующее мгновение оно находит себе утешение в левой.

96

Когда я буду уходить отсюда, моим прощальным словом пусть будет: то, что я видел, не может быть превзойдено.

Я вкусил от скрытого меда лотоса, расцветающего на океане света, и я блажен - пусть это будет моим прощальным словом.

В этом театре бесконечных образов я сыграл свою роль, и здесь узрел я того, кто не имеет образа.

Все мое тело и мои члены затрепетали от прикосновения того, кто живет вне прикосновения; и если придет конец, пусть приходит, - пусть это будет моим прощальным словом.

97

Когда я играл с тобой, я никогда не спрашивал, кто ты. Я не знал ни робости, ни страха, моя жизнь была охвачена бурей.

Ранним утром, как мой лучший товарищ, ты пробуждал меня от сна, и я бежал, следуя за тобой, от поляны к поляне.

В те дни я никогда не задумывался над значением песен, которые ты мне пел. Мой голос лишь подхватывал их звуки, и сердце мое радостно билось их ритмом.

Теперь, когда время забавы кончилось, что значит это внезапное зрелище, осенившее меня? Мир, склонив очи к твоим ногам, стоит в благоговении со всеми своими безмолвными звездами.

98

Я покрою тебя трофеями, венцами своего поражения. Никогда не будет в моей власти ускользнуть непобежденным.

Я твердо знаю, что гордость моя сокрушится, моя жизнь в безмерной муке порвет свои оковы, и пустое сердце мое, как полый тростник, изольется в музыке рыданиями, и камень растворится в слезах.

Я твердо знаю, что сотни лепестков лотоса не останутся закрытыми навеки, и что будет обнаружено тайное вместилище его меда.

С синего неба чье-то око будет взирать на меня, и призывать меня в безмолвии. Ничего не останется мне, совсем ничего, и у ног твоих я приму всеконечную смерть.

99

Когда я бросаю шлем, я знаю, что настало время взять тебе его. Что нужно сделать, будет сделано немедленно. Напрасна эта борьба.

Отними же свои руки и молча покорись поражению своему, сердце мое, и сочти за счастье, что можешь оставаться совершенно спокойно на своем месте.

Эти светильники мои задуваются малейшим порывом ветра, и, стараясь зажечь их, я снова и снова забываю обо всем другом.

Но я буду, мудр на этот раз и буду ждать во тьме, разостлав на полу свою циновку; и когда только тебе будет угодно, владыка мой, приди безмолвно и воссядь на ней.

100

Я погружаюсь в глубину океана образов в надежде добыть совершеннейшую жемчужину того, кто не имеет образа.

Не буду я больше плавать от пристани к пристани в своей разбитой бурями ладье. Давно миновали те дни, когда моей утехой было отдаваться на волю волн.

И теперь я стремлюсь войти через смерть в бессмертное.

В торжественных чертогах, у неизмеримой бездны, откуда возносится музыка безгласных струн, я возьму эту арфу своей жизни.

Я ее настрою на звуки вечности, и, когда затихнет она, излив свои последние рыдания до конца, я положу свою безмолвную арфу к ногам безмолвного.

Всегда в моей жизни я искал тебя своими песнями. Это они водили меня от двери к двери, и ими нащупывал я вокруг себя дорогу, исследуя и осязая свой мир.

Мои песни научили меня всему, что я постиг; они указывали мне потайные стези, много звезд открыли они моему взору на небосклоне моего сердца.

В течение всего дня они направляли меня к таинствам страны наслаждения и страдания и, наконец, в вечерний час, в исходе моего странствования, к вратам какого чертога привели они меня?

102

Я хвалился перед людьми, что знаю тебя. Они видят твой образ во всех моих творениях. Они приходят и спрашивают меня: - "Кто он?" - Я не знаю, что им ответить. Я говорю: - "Воистину, я не могу сказать". Они осуждают меня и уходят с презрительной усмешкой. А ты стоишь здесь и улыбаешься.

В долговечные песни перелагаю я свою повесть о тебе. Тайна брызжет ключом из моего сердца. Люди приходят и спрашивают меня: - "Поведай нам все, что ты хотел им сказать". Я не знаю, что им ответить. Я говорю: - "Ах, кто знает, что означают мои песни!" Люди усмеваются и уходят с крайним презрением ко мне. А ты сидишь здесь и улыбаешься.

В едином приветствии Тебе, Боже мой, пусть раскроются все мои чувства и коснутся этого мира у ног Твоих.

Подобно дождевому июльскому облаку, низко повисшему со своей ношей непролитых ливней, пусть весь мой дух поникнет у Твоей двери в едином приветствии Тебе.

Пусть все мои песни сливают свои разрозненные напевы в единый поток и стремятся к морю безмолвия в едином приветствии Тебе.

Как стая тоскующих журавлей, день и ночь летящая обратно в свои горные гнезда, пусть вся жизнь моя направит свой путь к своей вечной жизни в едином приветствии Тебе.

..\..\P_Тагор_Гитанджали.htm